

Безумные юродством во Христе,
Мы – русские, у нас сердца простые...
Мы – нищие, богаты в нищете,
Мы – пленники, свободные везде,
Мы – грешники, раскаяньем святые...
У нас не так, совсем не так в России:
И Бог не тот, и небеса не те!

Сияние звезды этой поэтессы не так блистательно, как к примеру, Марины Цветаевой или Константина Бальмонта. История её судьбы укладывается в несколько сухих строк, её книги – библиографическая редкость. Конечно, можно сослаться, что такова участь многих русских литераторов, расцвет творчества которых пришёлся на годы вынужденной эмиграции. Но ведь всё равно что-то сохранилось: упоминания в несколько слов, краткие рецензии, а главное – стихи. И вот нечёткими штрихами вырисовывается пусть пока только контур образа русского поэта Нины Николаевны Снесарёвой-Козаковой.

Родилась Нина Николаевна во Владимире-на-Клязьме. Ей было чуть за восемнадцать, когда началась Германская война девятьсот четырнадцатого года. Небывалый патриотический подъём, особенно заметный среди молодежи «страстно и упорно

стремившейся на фронт и, кажется, бо-
явшейся только одного: что война смо-
жет окончиться скоро, и она не примет
в ней участия» не миновал и терскую
казачку Нину Снесарёву-Козакову.
Она записалась на курсы сестёр мило-
сердия, и этот шаг predetermined всю
её дальнейшую судьбу.

О «добровольцах» – так называли
тогда сестёр милосердия – сохранились
редкие мемуары. «Чистые, молодые,
жизнерадостные уезжали девушки из
дому, а через год это были бледные, нервные женщины. Многие
стали курить, чтобы не заснуть стоя. Сплошь да рядом по две, по
три ночи не спали, когда шли бои, и раненых везли непрерывным
потокм в госпиталь. Уже и мест нет не только на кроватях, но и на
полу. А раненых всё несут и несут, без конца... Только и слышишь:
“Сестра! Сестра!” – несётся со всех сторон... Не знаешь, куда идти,
кому первому оказать помощь! Ноги едва двигаются. Голова кру-
жится. Спина болит... Но нельзя ни сесть, ни отдохнуть. Нужно
идти и помогать страдающим».

Можно только предполагать, что такие же испытания выпали
и на долю сестры милосердия Нины Снесарёвой-Козаковой так
же, как и то, что в годы Гражданской войны ей пришлось пройти
атаки, отступления, тиф, ранения, Ледяной поход, страх попасть
в руки противоборствующей стороне:

«За смех и за рот твой девичий, / За голос чёткий, / За крестик
из белой эмали, / За подвиг чести – / Они бы тебя / Расстреляли. /
На месте!».

Каких-либо воспоминаний или личных дневников Нина Нико-
лаевна, если и оставила, то они либо утеряны, либо где-то хранятся
и не доступны читателям. Всё о ней и её испытаниях лишь в стихах.

Я – сестра Колчаковских армий,
Добровольческих армий смелых;
Я склоняюсь под наше знамя,
Я на бой провожаю белых!
Я сестра наших белых армий,
Побеждённых, но не разбитых;
Я трёхцветное наше знамя
Вынимала из рук убитых.

От скитаний согнулись плечи,
На висках много прядей белых,
Но я скоро их снова встречу –
Неизменных и духом смелых.

Писать Нина Николаевна начала рано, первая публикация состоялась в 1911 году, когда ей было пятнадцать лет. Писала она и в страшные годы Гражданской войны. Вот стихотворение, написанное в 1918 году. Посвящено оно кадетам-каппелевцам.

Там – под бурю набатного звона,
В снеговые сибирские дали
Они мчались в горящих вагонах,
На разбитых площадках стояли.
Они пели, безумные, пели –
Обречённые в жертву Вандалу.
На их чёрных кадетских шинелях
Ещё свежая кровь не застыла!
Красный флаг наступал отовсюду,
Русь металась подстреленной птицей ...
Никогда, никогда не забуду
Эти русские, детские лица.

Литературный дебют вне России состоялся в 1922 году, но не поэзией, а рассказом «Случайно» в одном из первых изданий русской эмиграции – периодическом сборнике «Младорусь». Главная героиня рассказа сестра милосердия Вера Павловна Строева учится в институте и «практикует в больнице» (не сама ли это Нина Николаевна?). Друга героини Алексея Кутанина случайно убивают на улице; и словами – «Революция заглянула в окно» – рассказ заканчивается. Простой по тем временам «насилия и тьмы» почти обывательский рассказ, если бы автор не искал ответа, почему с ними такое произошло, не обвинял в первую очередь себя – «Ты был один из тех, который знал...отчего не указал слепым дорогу, отчего не помогал, не открывал глаза?» – и не страдал от безысходной обречённости, сокрушаясь: «Теперь уже поздно...поздно...».

Поселившись после эвакуации из Крыма в Праге, Нина Николаевна оказалась в литературном центре русской эмиграции. Здесь постоянно жили писатели А.Т. Аверченко, В.И. Немирович-Данченко, М.И. Цветаева. Бывали В.Ф. Ходасевич, А.В. Амфитеатов, Б.К. Зайцев, К.Д. Бальмонт. Многие – А.И. Куприн, А.М. Ремизов, Д.С. Мережковский, З.И. Гиппиус и другие сотрудничали с пражскими издательствами и журналами, живя во Франции. По-

этому «младшей поросли литераторов, которые начали проявлять себя уже за границей» было у кого учиться и с кем из «тамошних» общаться. Маститые именовали молодых литераторов «сменой».

В 1922 году с согласия правительства Чехии был основан русский Союз писателей и журналистов, в рядах которого есть имя и Нины Николаевны. Посещала она, причём постоянно, кружок «Далиборк», организованный летом 1924 года. Целью кружка ставилось «создание в Праге русского литературного очага, где было бы возможным общение между писателями, чтение и обсуждение литературных произведений, беседы и доклады на литературные темы, устройство публичных литературных вечеров и выставок». По рекомендациям руководителей кружка молодые авторы получали возможность печататься в журналах русской эмиграции и в зарубежной печати (главным образом – чешской и немецкой). Через «Далиборк» «прошла вся талантливая литературная молодёжь русской Праги».

По воспоминаниям русского учёного Николая Андреева, тоже оказавшегося в эмиграции и бывавшего на заседаниях кружка, Нина Николаевна «полной одиночкой казалась с её незамысловатой лирикой, или личной, или прямолинейно воспевающей “белое воинство”, на это поэтесса имела особое право». Познав, что значит быть рядом с несшими «крест суровый, всегда готовых к смерти – за Россию», Нина Николаевна берётся за складывание стихотворного памятника «белым солдатам и офицерам», и это будет отличительной чертой всего её творчества.

Как звёзды были их глаза
Простые, русские кадеты;
Их здесь никто не описал
И не воспел в стихах поэта.
Те дети были наш оплот.
И Русь поклонится их гробу;
Они все там до одного
Погибли в снеговых сугробах...

На фоне возросшего интереса в кругах эмиграции к «человеческим документам», причём и среди «смены», немного наивная, но искренняя поэзия с персональными свидетельствами принесла Нине Николаевне некоторую популярность. Во всяком случае В.В. Набоков в рецензии на первый сборник поэтессы «Да святится имя твоё», изданный в Праге в 1928 году, отмечал что строчка – «Я сестра колчаковских армий» – «была в ходу среди эмигрантской литературной молодёжи». Это неудивительно, и сегодня невоз-

можно остаться равнодушным к простеньким по стихосложению, но притягательным по-своему почти молитвенному содержанию строчкам. Вот, к примеру, стихотворение, посвящённое морякам Императорского флота России, причалившим в 1920 году к берегам городка Бизерта в Тунисе.

Ваше имя – всегда в синеве,
В синеве, в голубой вышине;
Ведь над вами, как знамя в веках,
Голубые плывут облака,
А под ними – вблизи и вдали,
По волнам – корабли, корабли...
Над волнами, вдали, в облаках
Бело-синий Андреевский флаг;
Как тот флаг, ваши души крепки, –
Моряки, моряки, моряки!
Не погас он – Андреевский свет
Героических ваших побед,
Пламя жертвенной вашей любви
В океаны несут корабли.
И встаёт над волнами заря,
И, как прежде, гремят якоря:
«По морям, по морям, по морям!
За Россию, за честь, за царя!».

За первым сборником – «Да святится имя твоё» – последуют в 1929 году ещё два: «Не надо думать. Картинки с натуры» и «Тебе – Россия». После выхода последнего В.Ф. Ходасевич причислит Нину Николаевну к «скупающим поэтам» и обвинит в лениности и подражательности.

Если с последним можно согласиться, то по поводу лениности и скуки следует поспорить. Нина Николаевна пишет:

О, только в снах – больных и редких,
Душа находит свой приют;
И вновь по Невскому проспекту
Солдаты с песнями идут.
И только в снах – горят всё те же
В лазурных далях купола,
И меркнет в сумерках,
Как прежде, Адмиралтейская игла!

Поэтесса не скупает, тоскует. Тоскует по дому в том всеобъемлющем смысле, что называется Отечество. В других строчках это звучит уже без малейшей потаённости: «Отчаяньем пронизывает

грудь / Наивная, смертельная тоска». Отсюда и «отсутствие восприятия» и нежелание «больше работать».

Про лень же следует отметить: кроме сочинительства и «знания литературы» Нине Николаевне необходимо было просто на что-то жить. Не думается, что после побега из Крыма у неё были хоть какие-то средства для существования, и вполне можно предположить, что ей пришлось в полной мере познать нищету и неустроенность первых лет эмиграции. Не помогли и приобретённые медицинские знания, и навыки, иначе ей не пришлось бы работать на конфетной фабрике.

После известных событий в России в Праге осело немало казаков, сегодня ведётся разговор, что в Чехии их было около четырнадцати процентов от всего числа эмигрантов. В основном это были донские и кубанские казаки. Терских – единицы. Казаки создали почти три десятка объединений, издавали сборники, журналы, газеты, проводили культурные и общественные мероприятия, чтобы не забывать о своих обычаях и традициях. Терская казачка Нина Николаевна сотрудничала с казачьими изданиями, в частности, редактором журнала «Младорусь» был Василий Ильинский – донской казак, но, насколько тесно и в каких изданиях казаков выходили произведения Нины Николаевны, достоверно неизвестно.

Доподлинно лишь можно перечислить журналы: «Для Вас», «Перезвоны», еженедельник «Студенческие годы», газета «Огни». Публиковалась она и в парижских изданиях – «Возрождение», «Новый корабль». После публикации в последнем из названных журналов один из крупнейших поэтов русской эмиграции Г.В. Иванов назвал её – «пражанка».

О сборнике «До-Тогда-Потом» (1932) приведу отрывок из рецензионной статьи выдающегося организатора литературной жизни русского зарубежья Л.Н. Гомолицкого: «Как показывают тире, связывающие части заглавия, книга является не случайным собранием стихов, но претендует на последовательное поэтическое повествование. Очевидно, это путь души поэта, проходящий через какую-то психологическую вершину. В таких повествовательных стихотворных сборниках всегда есть опасность допустить прозу рассудочного истолкования событий. Не избежала этой опасности и Снесарёва-Козакова. У автора сборника не хватило мужества взглянуть открыто в “безумное” лицо поэзии, но о том, что Снесарёва-Козакова может быть единственный раз в жизни почувствовала его приближение, свидетельствует следующее “сумасшедшее” стихотворение сборника:

В огне реклам, над крышами домов,
В созвездиях, по каменным дорогам
Глумясь – Он шёл, и всё росла тревога,
И память жгла, как свежее клеймо.
Его плечами закрывались тучи,
И тёмный взгляд – упрямый и дремучий –
Огромных глаз Он не сводил с меня.
Он мне грозил, Он сам сходил с ума,
Был испуганным крик автомобилей..
И я считала – мили, мили, мили..
Но бег мой вдруг загорела – Тьма.

Именно здесь, несомненно, присутствует гений поэзии, а не в стихах третьей части – “Потом”, где автор хочет уверить себя в оздоровлении, в здоровой любви к миру, которую тут же называет «своим солнечным обманом».

В 1938 году выйдет другая книга поэтессы «Рыцари белого Ордена». Как жила, с кем встречалась Нина Николаевна в шестилетний период от книги до книги, воссоздать не предоставляется никакой возможности – полная неизвестность.

Эмигрантской критикой сборник был встречен доброжелательно. В.Ф. Ходасевич поставил его в один ряд с книгой «Стихи» Н.Н. Тuroвeрoвa и назвал «эпической лирикой».

Без красоты, просто и незамысловато поэтесса вспоминает о «подвигах» и судьбе своих товарищей – каппелевцах, корниловцах, галлиполийцах. Она всё ещё там, где: «Белых армий свет. / Там, где Свет и Честь / Там и счастье есть, / Там наш русский храм, / Наше счастье там!».

Из отдельных стихотворений поэтесса складывает образы «белых армий» как «символы чести и символы славы». Зброшенныe на чужбину эмигранты представителей белого движения по-другому и не воспринимали. И пусть военную историю сменили «серые будни», а недавние «герои» переоделись в «куртки шофёров»: «Затаённые, молчаливы / (Сфер иных, иного света!) / Вечно хмуры, некрасивы, / В платье штатское одеты». Ни для них, ни для Нины Николаевны ничего не изменилось:

Верю в белую Россию,
В наш трёхцветный русский флаг.
Верю в то, что нашу силу
Победить не сможет враг!
От кровавых мук и бреда

Исцелиться ей пора:
Верю в вечную победу
Веры, правды и добра!

Наравне с поэзией Нина Николаевна продолжала писать и прозу. К примеру, в болгарской еженедельной общественно-национальной газете: только о России – «Наша газета» 5 июня 1939 года выйдет её рассказ «Незаметные герои».

Умерла «сестра белых армий» Нина Николаевна Снесарёва-Козакова (Казакова) в 1948 году. Похоронена в Праге на православном участке Ольшанского кладбища.

Ещё много лет произведения поэтессы публиковались в эмигрантских журналах и альманахах. Так, в семидесятые годы в американском Лос-Анджелесе выходил журнал «Первопоходник», и почти в каждом номере были представлены её произведения.

Там – из гула гранат, из сибирских метелей.
Там – откуда все темы беру.
Там – у коек солдат, у походных постелей
Улыбнулась мне белая Русь.
Там восстала Любовь на безумие Злобы,
Там нас ангел крылом осенил,
Там, у белых дорог, в непролазных трущобах,
У солдатских безкрестных могил.
И я знаю одно, что те страшные годы –
Наш единый немеркнущий свет:
Что не будь этих лет, этих белых походов.
Стыдно было бы жить на земле!

Используемая литература

1. Пашков П.В. Воспоминания юнкера-алексеевца. / Военно-историческая библиотека «Военной были», № 15.
2. «Записки сестры милосердия. Кавказский фронт. 1914–1918». X. Семина.
3. Русский альманах. Париж. 1981 год.
4. Воспоминания о потерянной России. Антология поэзии русского зарубежья. Составители: Т.В. Акулова, Н.А. Кузнецов, А.Ю. Емелин.
5. Л.Н. Гомолицкий. Среди книг. Нина Снесарёва-Казакова. «До – Тогда – Потом». Стихи. 1932. Прага.
6. Л.Н. Гомолицкий. Сочинения русского периода. Проза. Литературная критика. Том 3.

Московская обл., г. Красногорск